

ВСТРЕЧА С ПЕРВЫМ УДАРНИКОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Комсомольская правда) 13 июля 1931 г.
МАКСИМ ГОРЬКИЙ В „КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ“

Время встречи с Горьким было назначено на 7 часов вечера. К этому часу заводские ударники пришли с производства в клуб театральных работников, в котором редакция «Комсомольской правды» организовала беседу.

Восемьдесят молодых ударников-при-

дающему, вы должны поверить.

Горький восторженно говорит о коллективизации. Воодушевленно он повторяет цифру: «Свыше двенадцати миллионов в колхозах. Свыше двенадцати миллионов ушли из жизни древнего хозяйства в семье, от протовой жизни».

них, как телеграфные столбы, ногах; на таких ногах она двести лет простояла. Она говорила: шесть лет назад у тувинцев не было письменности, а сейчас 26 процентов грамотных. Самоед говорил, как они ликвидировали кулачество; но он говорил так, что я внутренне благодарил природу, что я не родился кулаком (смех), и главное, так тихо и твердо говорит... Эпоха—это 160 миллионов людей делают эпоху. Не нужно изучать, но не значит, что ее можно изучать в три месяца.

— Тов. Малиновский пишет, что он хочет глубоко изучить марксизм и ленинизм. Это главное. Нужно. Если захочет знать, будет знать.

— Пишет т. Бахвентинов, что он хотел бы дать ступеньку за ступеньку социалистическое наступление по всему фронту. Правильно. Очень верно: давать ступеньку за ступеньку, подниматься выше, и другая ступенька уже будет шире первой.

— Он хочет писать в стихах. У нас много стихов... Может быть это потребность, как-то мнется Горький,—я предпочел бы прозу, спокойную, эпическую. Вот т. Баранов тоже хочет написать поэму. Сейчас начинается недовольство и прозой и поэзией, ищут что-то среднее. Со словами происходит то, что с костюмами. Мы должны одеваться ярче: голубое, синее, желтое, красное, чтобы улица сияла, горела. Как однообразны наши костюмы по сравнению с тем, как живет наша страна! И язык также отстает. В качестве анекдота могу рассказать: захотелось мне написать эпизод из советской жизни—процесс драматического роста человека, который вылезает из тупой скорлупы. Я пробовал шестнадцать раз, и не выходило, как я хотел. Это можно было бы написать, но не находилось слов, крутых слов, какие нужны.

— Не думаю вас запугивать, — ополчается Алексей Максимович, — трудности стоят большие, но... вы ведь трудностей не боитесь и будете, конечно, писать.

— Мы не знаем ничего о пионерах. — Опять возвращается Горький к вопросу о чем писать. — Я был на выставке детской книги. Очень бедно. Дело ниже наших способностей, а для октябрат нет книг, а они достойны этого...

Ежеминутно Горький отвечает на вопросы с мест.

— Мне в литературе, — говорит ударник Карасев, — дают задание описать определенную личность.

— Героя или определенного рвача, — добавляет другой, и оба спрашивают Горького, как описать тип.

— Надо брать сумму, — отвечает А. М., — возьмите нескольких рвачей, изучите их, у одного одно качество, у другого другое... У одного возьмите нос, у другого ухо и лепите.

Горький приводит примеры классических произведений. Обломов — комедия целой плеяды типов дворянства.

— Что значит тип? Это как бы творец, выжатый из молока.

— Алексей Максимович, как быть с языком? Пишешь кажется хорошо, кажется, вещь будет волновать читателей, а спустя время, прочтешь, и она уже даже тебя не волнует. Как это мастера литературы, вот, например, вы, Джек Лондон, описывают простые вещи, и это так волнует. Тут есть какая-то загадка. Как изучать язык?

— Появилось много новых слов. Это очень хорошо. Но рядом с этим не надо забывать коренной русский язык. Иногда нужно почитать былины, сказки. Сейчас происходит реорганизация языка, слаются частушки, пословицы, анекдоты, изречения. Их вам собирать надо.

— Следует записать меткие, звучные выражения... У нас язык обогащается. Наименьшинство вносит свои словечки, и они удобны. У нас говорят на сотне языков, и в этой сумятице язык все время будет обогащаться.

— Чему учиться у классиков?

— Прежде всего технике, — отвечает Горький и дает краткий обзор классиков, рассказывая и их биографии.

В конце беседы слушатели просят Горького сказать свое мнение о молодежной литературе. Горький дает совершенно неблагоприятный отзыв, разбирая главным образом «Первую девушку» Богданова.

Кто-то неожиданно спрашивает:

— А думаете ли вы написать современную вещь?

— Некогда, некогда, — улыбается Горький, — у меня неотложная работа, острая корреспонденция, нет времени даже закончить четвертый том «Клима Самгина». Это не я буду писать, а вы.

Раздается возглас:

— А хорошо бы, если вы!..

— Соблазнительно, очень соблазнительно, — говорит про себя Горький.

Тов. Троицкий от имени собравшихся благодарит Горького за беседу. Он говорит об огромнейшем значении встречи и выражает надежду, что Алексей Максимович еще будет не однажды встречаться с ударниками. Троицкий под аплодисменты делает предложение о создании при «Комсомольской правде» второй литбригады им. Горького.

Горький, забирая с собой огромное количество записок и листовок, прощается, обещая вскоре вновь встретиться с призывниками в пролетарскую литературу.

М. Р.

Беседа ударников с Максимом Горьким.

зывников в литературу, приглашенных редакцией, ожидали Горького у входа. Понятно искреннее нетерпение, с которым ждали призывники великого мастера.

В левом кармане его пиджака лежал сверток анкет ударников.

— Здесь есть много интересного материала, — вынув сверток анкет, сказал Горький, — интересный материал, — повторил он, — стоит поговорить.

Участники встречи рассказывали в зале, Горький вышел в клуб покурить, но, услышав, что все ударники на месте, он бросил только что закуренную сигарету и пошел. По дороге, в коридоре, его перехватил работник клуба с просьбой выйти на выставку «Горький в театре». Писатель на минуту зашел на выставку, искоса скользя взглядом по картинам и снова затворился.

— Потом... потом... Где зал?..

У порога Горький вдруг остановил Троицкого и тихо, настороженно спросил:

— Приветственный не будет?

— Как условились...

— Вот хорошо, — мигом успокоившись, обрадовался Горький и вошел в зал.

Раздались громкие аплодисменты. Сидевшие поднялись с мест и, аплодируя, пока Горький шел к столу, рассматривали его, точно боясь упустить хотя бы самую незаметную, скрытую мелочь в его внешности. Как это часто бывает, портреты и фотографии не дают полного сходства. Горький не похож на свои портреты. Фото, конечно, не могут передать твердой, легкой, бодрой походки этого высокого сухощавого человека. Загорелое, очень молодое лицо, тугая кожа, живой, совсем молодой взгляд и неуемный клочок подернутых седьюной волос над лбом.

Стол, за которым сидят ударники, расположен по бокам, все видит Горького, с него не спускают глаз, на столах чайные приборы, и все это создает обстановку дружеской интимной встречи. Кажется, что встреча происходит на дому у Горького, или Горький пришел на дом к группе друзей. Сразу после вступительных слов Троицкого Горький поднимается и раскладывает перед собой исчерченные своими пометками анкеты. Много раз приходилось слышать, что Горький, величайший писатель, гигант литературы, теряется, когда ему приходится выступать.

К этому случаю были приготовлены. Но Горький говорил спокойно, ровно, увлекаясь, отпуская к мельчайшим подробностям, к воспоминаниям. Он с величайшей охотой и сразу отвечал на любой вопрос. Беседа длилась два с половиной часа, и все это время говорил Горький, ибо вопросы не имели конца и на столе скопилось масса записок, бесконечные просьбы вновь и вновь дать слово.

Горький говорил, не имея перед собой тезисов, никаких заметок, кроме анкет ударников. Вопросы он не записывал, а, выслушивая, тотчас поднимался и отвечал. Два с половиной часа беседы прошли в самых разнообразнейших темах. Но первую тему дал сам Горький.

ГОРЬКИЙ ДАЕТ ТЕМУ

— Я вас приветствую, — начал он, — приветствую сердечнейше. Не надо громких слов... Начнем прямо с главного вопроса: в литературу идут ударники. Что это значит? Это—явление чрезвычайной важности. Я думаю, что сейчас в нашей литературе начнется нечто новое.

Как вступать в нее? — Горький не удовлетворен современной литературой. Он сдержанно иронизирует по поводу тематики наших повестей и романов: «Хорошая девушка полюбила нехорошего коммуниста, или коммунист полюбил нехорошую девушку».

— Нет, — с шумным вздохом заключает он, — это не то, не то, что требуется. Нехватает кипучей действительности, насыщенной человеческой энергией, которая сейчас совершает чудеса. Это факт! — несколько раз с убеждением произносит Горький, — это факт!.. Это факт! Воли вам, непосредственным участникам, это не так заметно, то человеку, живущему в отдалении и наблюд-

— Вам по вашему возрасту многое непонятно: ну, мужик-индивидуалист пошел в колхоз. Идут миллионы. Это не выдумка чья-то. Миллионы от чего-то освободились; надо осознать все величие, всю мощь свершившегося. В литературе это не отразилось. Пока еще не хватает сил для отображения действительности, отсюда следует вывод, что дело вашего поколения — давать не отрывки, ключи, которые сейчас даются, а большие достижения.

Какие бы темы внести в литературу? Их много, и первая, которую бы я дал, такая:

Крестьянский паренек приходит на фабрику, на завод. Человек, веками подчиненный земле, древними способами орудуящий на ней. Таинственным путем земля дает ему хлеб, картошку. Он никогда не задумывается, как это происходит. И вместе с тем он поэтизирует деревню: миленькие поля, золотистые волны хлеба, солоньи, жаворонки поют... И вдруг он видит станки, он видит, как берут кусок металла, из этого куска, он видит, делают сложные аппараты... Вот на эту тему можно написать интереснейшую вещь о древнем человеке земли, который никогда не считал себя властителем природы...

— Это большая тема, которую никто не трогал. Еще женщины. У нас есть женщина — председатель исполкома. Все это интереснейшие темы — их много, сразу невозможно перечислить.

ПИСАТЬ ДЛЯ МИЛЛИОНОВ

— Когда ударники ВЦПС пишут книги, часто получается так, что они пишут для своего цеха или завода. На других фабриках, на других производствах его не поймут. Это ограничивает валюну, серьезную тему. Ведь у нас на книгу миллионы читателей. Вы пишете для себя, для огромных миллионов, и этого нельзя упускать; тот, кто пишет, должен помнить, что его будут читать миллионы. Это ко многому обязывает: честное отношение к слову, ясность, сказанность, изучение техники.

ЧЕГО ХОЧЕТ УДАРНИК, ВСТУПАЯ В ЛИТЕРАТУРУ, И ЧТО ЕМУ ОТВЕЧАЕТ ГОРЬКИЙ

— Теперь поговорим на те темы, которые даны вам, — берет Горький анкеты. — Вот товарищ пишет, что он хочет писать алободневные, высокоценные произведения и для этого избрал очерк. Такие произведения удавались редким, великим литераторам. Злобу дня, огромнейшую злобу дня вложить в краткий очерк... я этого себе не представляю. Может быть, при высоком, очень высоком мастерстве можно это сделать. Но... при слабой технике это не будет удаваться. Это вновь диктует необходимость углубленной учебы.

— Второй товарищ пишет, что он хочет писать и одновременно критиковать художественные произведения своих товарищей и для сего хочет изучить литературоведение. Так будет одна нога шпалат вперед, другая в сторону.

— Литературоведение?.. Ей-богу, не надо с этого начинать, — вызывая всеобщие улыбки, вызывает Горький свои длинные руки. — Действительность надо изучать, живое мясо.

— «С чего начинать начинающему писателю?» — читает Горький вопрос и при шумном смехе отвечает:

— Повидимому с того, с чего и начал. Но Горький не ограничивается одной шуткой.

— Начинать с маленького рассказа: в тугих словах отлить рассказ, — каждое слово, как из металла.

Горький, подняв руку, сжимая пальцы, мимикой показывает, какое тугое, крепкое должно быть это слово.

— Как янчико!

— Тов. Смирнов хотел бы написать роман. Видите ли, для большого романа нужно изучить нашу эпоху. Я был в Кутве. Там сидела наша эпоха. Негры из Африки, Азии, индусы и арабы... Выходила тувинская женщина на креп-